

В тюремных застенках родители Люй Линье окончательно погрузились в пучину отчаяния. Ненависть единственного сына и его внезапная смерть стали ударом, который они не могли ни принять, ни осознать. Супруги иступлённо требовали, чтобы полиция расследовала причастность Лу Вэйланя, но поскольку юноша даже близко не подходил к заключённому, стражи порядка лишь отмахивались от этих нелепых обвинений.

Долго буйствовать им не позволили. С потерей единственного смысла жизни из них словно выкачали все силы. Однако стоило чете окончательно сломаться, как перед ними вновь возник Лу Вэйлань. Обезумев, они бросились к решётке, пытаясь вцепиться в него сквозь прутья. Вэйлань стоял неподвижно, бесстрастно выслушивая их ярость. Наконец он склонился к ним и едва слышно, так, чтобы его слова предназначались лишь им двоим, произнёс:

— А ведь вы во всём правы.

Мать Люй Линье тут же истошно завопила, призывая полицейских.

— Вы слышали?! Он сам признался! Он сказал, что это он убил его!

Полицейские остались безучастны, лишь одарив арестантов жалостливыми взглядами.

— Совсем рассудком тронулись, бедолаги. Где они там увидели Лу Вэйланя?

— И не говори. Стоят, руками на пустую дверь машут, спорят с кем-то... Видать, психика сдала.

— Доложи начальству, пусть назначат экспертизу. Таких не в тюрьму, а в психушку пора оформлять.

Слыша перешёптывания охранников, супруги испуганно переглянулись. В их глазах застыло сомнение, которое быстро сменилось глубоким ужасом: Лу Вэйлань стоял прямо перед ними, но стражи его не видели.

Они инстинктивно попятились, не сводя глаз с фигуры за решёткой. А «Лу Вэйлань» вдруг осклабился в жуткой ухмылке:

— Ой, неужели вы меня раскусили? Хе-хе-хе...

С этими словами его облик поплыл, меняясь, и перед ними предстал их сын — Люй Линье. Он смотрел на родителей с ледяным безразличием.

— Как же я вас ненавижу! — прохрипел он. — Как же я вас ненавижу!

Мать, чьё сердце облилось кровью, сделала два шага вперёд:

— Сынок! Я знаю, тебе больно! Мама обязательно отомстит за тебя!

Но из глаз Люй Линье потекла кровь.

— Отомстишь? И как же? Больше всего на свете я ненавижу вас двоих! Так почему бы вам просто не сдохнуть мне на радость?! Ненавижу вас! Ненавижу!

Женщина в ужасе отшатнулась к стене и медленно сползла по ней на пол.

— Нет... нет! Как Линье может меня ненавидеть? Как мой мальчик может меня ненавидеть?

Отец, не выдержав удара, тоже рухнул в углу камеры, захлёбываясь рыданиями.

Глядя на раздавленную чету, «Люй Линье» тайком достал острую палочку — латяо — и принялся с аппетитом её сосать, не забывая время от времени яростно выкрикивать: «Ненавижу вас!» Разумеется, это было новое поручение для Призрака-острые палочки, и справился он с ним блестяще. Статья за умышленное причинение вреда не сулила смертной казни, но это не значило, что виновные не должны страдать.

Сам Сяо Ци в это время разрывался между заботой о брате и регулярными визитами на свиноферму — поросята требовали присмотра. Конечно, об учёбе он тоже не забывал, попутно разбираясь с делами семьи Лу.

Благодаря видеозаписям стрима вина Чэн Жань была доказана быстро. Улики оказались непроверяемыми: она намеренно намочила телефон, заманила свидетелей в спальню и столкнула юношу вниз. Однако, поскольку Лу Сяочжи во всём этом не участвовал и яростно отрицал свою осведомлённость о действиях супруги, привлечь его к ответственности было непросто.

Общественность недоумевала: откуда у семьи Лу такая жажда крови по отношению к Лу Вэйланю? Отсутствие явного мотива стало лазейкой для пиарщиков.

Вернувшись домой, Лу Сяочжи развил бурную деятельность. Он публиковал старые фото и видео, пытаясь доказать, как сильно Чэн Жань любила младшего сына, и убеждал всех, что её поступок был вызван шоком от его ухода. Глава семейства отчаянно пытался переквалифицировать обвинение с умышленного убийства на неосторожность.

Но в тот же день, когда было выпущено официальное заявление, интернет взорвало новое

видео. Автор ролика, снова назвавшийся бывшим работником особняка, заявил, что установил скрытую камеру в кабинете. Пользователей не заботило, как было получено видео — они с упоением впились в содержание.

То, что они увидели, окончательно стерло рамки представлений о подлости. Оставив в стороне бредни о «судьбе», сам факт подмены чужого ребёнка вызвал волну гнева. Мало того, что они украли младенца, так ещё и намеренно растили его никчёмным! А когда тот решил уйти — попытались его убить.

— Семья Лу заставила меня пересмотреть взгляды на человеческую природу.

— Поздравляю Лу Сяочжи и Чэн Жань с воссоединением в тюрьме! Гляньте-ка, стоило Лу Минсы вернуться, как в семье остался один Лу Синчжи.

— Что за средневековье? Су Мингэ жив-здоров, а у этих в головах дыра вместо мозгов!

— Посмотрите на всё, что они творили. Будь они хоть капельку нормальными, не оказались бы в такой яме!

Лу Сяочжи, не успев спасти жену, сам обзавёлся парой наручников и встретился с благоверной в тюрьме. И пусть подмена детей была совершена не ради продажи, обвинение в похищении людей было не за горами. Учитывая характер дела, на свободу они выйдут нескоро.

Вне себя от ярости Сяочжи потребовал встречи с Лу Синчжи. Но первое, что спросил старший сын, когда вошёл в комнату, было:

— Те документы в сейфе... это правда?

Отец запнулся:

— Сейчас не время! Неужели тебя только это волнует?!

— А почему меня не должно это волновать?! Как я могу закрыть на это глаза? «Если нельзя оставить Лу Вэйланя живым, сойдёт и мёртвый, но сила его удачи уменьшится вдвое. А значит, придётся избавиться и от Лу Минсы, чтобы обеспечить процветание семьи Лу». Ты веришь в этот бред? Зачем ты в это ввязался?!

— Для кого я это делал?! — Мужчина смотрел на Лу Синчжи как на предателя. — Семья Лу в будущем должна была принадлежать тебе!

Лу Синчжи горько усмехнулся:

— Больше нет никакой семьи Лу. После такого скандала я бессилен что-либо исправить.

— Невозможно! А связи? Где все наши люди? Иди к ним! — Лу Сяочжи едва не бился в истерике. — Никчёмный щенок! Чему я тебя учил?!

— Я ходил к ним. Знаешь, что мне ответили? Сказали, что у нашей семьи актёрский талант выше коммерческого. Нам посоветовали идти в кино — прокормимся.

Когда стена рушится, её подталкивают все. Синчжи пытался спасти положение, но с такой репутацией все обходили их стороной.

— Враньё! Этого не может быть! К кому ты обращался?

— Ко всем. А после новостей к нам нагрянули проверки из всех ведомств. Через месяц от компании не останется и следа.

Лу Синчжи выглядел смертельно усталым. Желаящих ударить лежащего всегда много. Он сделал всё, что мог. Оставив беснующегося отца, он навсегда покинул тюрьму.

В больнице, под чутким присмотром Сяо Ци, скорость восстановления Су Мингэ поражала даже врачей. Он поправлялся так быстро, что это не мешало ему готовиться к предстоящему мировому чемпионату. В один из дней Сяо Ци принёс брату домашний бульон. Члены команды SGL, бывшие в палате, тут же подняли шум, требуя угощения.

Сяо Ци не поскупился и разлил суп на всех. Су Мингэ уже почти оправился, только на спине должны были остаться шрамы.

Прихлебывая бульон, киберспортсмены восхищённо вздыхали. Теперь им стало ясно, почему их капитан за время госпитализации прибавил пять килограммов — суп был невероятно вкусным.

— Вэйлань-диди, у этого супа есть какой-то секретный рецепт? — Лу Юй облизнулся. — Если это тайна, можешь не говорить.

Сяо Ци отмахнулся:

— Никакого секрета. Просто вода для бульона особенная.

Все тут же обратились в слух. Сяо Ци гордо вскинул подбородок:

— Я варю суп на той же воде, в которой выращиваю рыбу. Прямо так — и рыбу, и воду в кастрюлю. Всё натуральное, вкус получается отменный!

Команда SGL замерла с ложками во рту.

«Не поздно ли пойти и выполоскать желудки?»

Но взглянув на Су Мингэ, они почувствовали некое облегчение — по крайней мере, капитану досталось больше всех. Капитан же впервые узнал, что пил воду из-под рыбок. Его лицо на мгновение превратилось в маску. Сяо Ци похлопал брата по плечу:

— Что такое? Слишком приятный сюрприз?

Су Мингэ натянуто кивнул:

— О да! Сюрприз — не то слово!

Сяо Ци кротко улыбнулся:

— Ничего, впереди будет ещё много интересного.

Остальные лишь молча посочувствовали капитану и решили, что им пора закругляться.

В день, когда команда SGL улетела на международные соревнования, было официально объявлено о банкротстве семьи Лу. Лу Сяочжи и Чэн Жань приговорили к десяти годам лишения свободы. По требованию пользователей сети полиция восстановила переписку Лу Минсы с Люй Линье и провела повторное медицинское обследование. Выяснилось, что в лечении вне тюрьмы он не нуждается. С учётом прошлого наезда и тяжести последствий его действий, он получил восемь лет.

В день ареста кто-то заснял Лу Минсы на видео. На кадрах он отчаянно сопротивлялся, выкрикивая, что не может сидеть в тюрьме, ведь он единственный в своём роде, особенный. Пользователи единогласно решили, что он попросту сошёл с ума.

В камере Лу Минсы и впрямь был близок к безумию. Он не понимал, почему в этой жизни, получив второй шанс, он закончил ещё хуже, чем в прошлой. Неужели перерождение было лишь злой шуткой?

Он задавал этот вопрос снова и снова. Он даже думал о самоубийстве, надеясь на новую

«перезагрузку», но ему не хватило смелости. Он утешал себя лишь тем, что восемь лет — это не вечность. Когда он выйдет, первым делом он найдёт Лу Вэйланиа и убьёт его, даже если придётся погибнуть самому.

Чэн Жань и Лу Сяочжи тоже приходилось несладко. Привыкшие к роскоши, они не могли адаптироваться к тюремному быту и стали объектами презрения для сокамерников.

Каждый раз, когда Чэн Жань впадала в истерику, она звала Вэйланиа, умоляя о встрече. Она была уверена, что сын обязательно простит её и вытащит отсюда.

И Лу Вэйланиа исполнил её желание. Он навещал её, и не раз. На каждый праздник он неизменно появлялся в тюрьме с «поздравлениями» и заботливо интересовался: «Как ваши рёбра? Уже срослись после вчерашнего?» или «Как вам спится на тюремных нарах? Привыкли уже?»

Лу Сяочжи и Чэн Жань со временем стали бояться этих визитов и умоляли его больше не приходиться. Но Сяо Ци был непоколебим — он появлялся в тюрьме чаще, чем Лу Синчжи.

Сам Сяо Ци лишь вздыхал. Что поделать, если сюжет пошёл под откос? В конце концов система начала выдавать задания типа:

[Посещение тюрьмы №1]

[Посещение тюрьмы №2]

[Посещение тюрьмы №3]

Разумеется, Сяо Ци не забывал и о Лу Минсы. Помимо обычной «заботы», он приносил ему «благие вести»: например, что SGL снова взяли кубок, что его поросята выросли и уже сменилось несколько поколений, или что та заброшенная зона отдыха снова процветает, и земля семьи Су теперь стоит целое состояние — но брат её не продаёт, говорит, оставит Сяо Ци под свинарники.

Каждый раз Лу Минсы едва не задыхался от злости, но стоило Вэйланиа прийти, он не мог заставить себя не выйти к нему.

Шли годы, и люди постепенно забыли о некогда блистательной семье Лу. Зато все знали о лучшей в стране агроусадьбе, привлекавшей толпы туристов. Она славилась невероятно вкусной свиной, которую невозможно было купить ни за какие деньги.

Не только мясо — бронирование мест в гостевом доме было расписано на год вперёд. Гости говорили, что только там можно ощутить небывалое спокойствие. Люди умоляли владельца открыть филиал, но там по-прежнему работали всего четверо: брат и сестра по фамилии Нин (сестра двигалась медленно, но была удивительно грациозна, а брат отличался редким добродушием) и двое хозяев. Если везло, можно было встретить знаменитого в прошлом бога киберспорта и того самого бездельника, который посвятил жизнь разведению свиней.

Когда Лу Минсы спустя восемь лет вышел на свободу, он обнаружил, что Лу Вэйлань достиг высот, о которых он не мог и мечтать. Его ненависть стала ничтожной. Он влачил жалкое существование на подачки Лу Синчжи, каждому встречному твердя о своей исключительности, но никто не обращал на него внимания.

Семья Лу так и не смогла подняться. Хотя Лу Синчжи был талантливым управленцем, тень прошлого была слишком густой. Без связей и ресурсов в этой стране им не было места.

Когда Лу Сяочжи и Чэн Жань наконец вышли на волю, они выглядели стариками. Десять лет стерли их гордость. Но как только они поверили, что мучения закончились, на их пороге возник Лу Вэйлань. Он снова пришёл с «поздравлениями» и пообещал навещать их до тех пор, пока ему не исполнится девяносто девять.

Семья Лу:

— ...

Спасибо, мы вряд ли доживём до этого дня. Сяо Ци тут же успокоил их: ничего страшного, тогда он будет приходить к ним на кладбище каждый год на Цинмин, прибирать могилки. Чэн Жань и Лу Сяочжи были на грани помешательства.

Много лет спустя, когда Сяо Ци наконец исполнилось девяносто девять, он лежал в постели. В день поминовения усопших старик внезапно сел на кровати, охваченный необъяснимой силой. Он решительно потребовал, чтобы его отвезли на кладбище, и, подхватив под руку дряхлого брата с тростью, отправился навещать могилы семьи Лу.

Когда последняя сюжетная точка была поставлена, Сяо Ци и Система 6362 облегченно выдохнули. Да уж, работа дублёра — не сахар. На обратном пути 6362 предавалась воспоминаниям:

[Надо же, сколько времени прошло... Хост, а помнишь, как ты хотел пустить семейку Лу на удобрения? Теперь мы их всех проводили, одни холмики остались.]

Сяо Ци вдруг остановился.

— Брат, подожди. Я хочу кое-что забрать с собой. На удобрения.

Су Мингэ вздохнул:

— Ладно, давай помогу.

— Было бы славно.

Сяо Ци кивнул и повёл брата обратно к надгробиям. Под недоуменным взглядом Су Мингэ он указал пальцем на памятники:

— Брат, смотри! Удобрения!

В итоге старика Су Вэйлани пришлось утаскивать старику Су Мингэ. Сяо Ци ворчал, что брат его больше не любит и мешает добывать ценный ресурс. Су Мингэ лишь качал головой, пообещав, что после смерти Сяо Ци сможет забрать его собственный прах на удобрения.

— Не нужно, — Сяо Ци прикинул в уме. — Я завтра умру.

Ему как раз исполнялось девяносто девять, и последняя побочная миссия была завершена.

Однако в ту же ночь Су Мингэ скончался. У его постели Сяо Ци плакал и спрашивал:

— Брат, почему ты так и не женился?

Су Мингэ прохрипел:

— Что поделать, я ведь твой брат.

Сяо Ци зарыдал ещё громче:

— Ты мне не брат! В том видео из кабинета был ещё один кусок, я его вырезал!

— Я знаю, — помолчав, ответил Су Мингэ.

Сяо Ци замер. Тогда, не желая терять брата, он намеренно скрыл ту часть, где Лу Сяочжи признавался, что Су Мингэ тоже был подкидышем. Все эти годы он думал, что брат об этом не догадывается.

— Раз ты хотел видеть во мне брата, значит, я оставался им до самого конца.

Су Мингэ умер, но Сяо Ци не последовал за ним на следующий день. Он дождался кремации, похоронил прах брата под деревом у подножия горы в их агроусадьбе и оставил завещание, чтобы его похоронили там же.

<http://bllate.org/book/15806/1433319>